

ОТЗЫВ
на рукопись Данилова Игоря Алексеевича «Имянаречение немецкой протестантской знати в XVI-XVII вв.», представленной в качестве диссертации к защите на соискание степени кандидата исторических наук.

На сегодня проблема имянаречения в обществе конфессиональной эпохи можно смело отнести к одной из самых актуальных в дискурсе о последствиях немецкой Реформации и конфессионализации. Если множество прочих аспектов и сторон, связанных с вращением новых протестантских конфессий в общественную толщу и сложный сословный мир XVI-XVII вв. обрели повышенное внимание и большую дискуссию, то вопрос конфессиональной идентичности через имя остается все еще за рамками углубленных исследований. Можно по пальцам пересчитать работы, появившееся в последние десятилетия по указанной теме, причем большая их часть принимает охватывает либо узкорегionalный срез, как например, диссертация Р. Клейнодера на материале Пфальца или отдельные очерки по имперским городским общинам раннего нового времени. Это тем более кажется парадоксальным, что сохранился богатый пласт источников, позволяющих приступить к реконструкции процессов имянаречения, особенно если речь идет об общественной элите, высшем и низшем дворянстве.

Диссертация И.А. Данилова в подобном контексте представляется исключительно актуальной, соответствующей задачам, вытекающим из современного уровня научных исследований. До последнего времени среди историков в том числе и среди специалистов в области ономастики неизменно представлялся общий тезис, сформулированный историографией XIX – первой половины XX в. о решительном надломе позднесредневековой традиции имянаречения в землях победившего лютеранства или реформатского культа. Считалось, что старый каталог родовых имен и имен по святым был стремительно вытеснен библейской традицией. Вывод этот, постоянно подносившийся неизменной и очевидной константой, молчаливо разделили и новая историография, хотя в трудах некоторых современных специалистов большие перемены связывались с гораздо более поздней эпохой.

В качестве исследуемого материала И.А. Данилов обратился к регионам Центральной и Юго-Западной Германии - к землям, игравшим исключительно важную роль в истории немецкой Реформации и в век религиозного раскола и источники по которым позволяют сегодня осуществить опытное исследование в заданном ключе. Акцент был сделан на владетельных домах и рыцарстве

курфюршества Саксонии (дом Веттинов), курфюршества Бранденбург (дом Гогенцоллернов) и наследственных землях герцогов Вюртемберга. Разумеется, далеко не все поддавалось здесь равномерному охвату: большой массив источников по рыцарским ленникам Веттинов превращал историю их имянаречения фактически в самостоятельную исследовательскую парадигму. При этом модели имянаречения домов Вюртемберга и берлинских Гогенцоллернов выступают у И.А. Данилова скорее как «фланкирующий», сравнительный материал при главном внимании обращенным к семейству дрезденских Веттинов.

Представляется оправданной методологическая выборка исследуемого материала. Свыше 400 семейств ленников саксонских курфюрстов исключали возможность комплексного сравнительного анализа: история отдельных семейств освещена далеко не равномерно, по некоторым имеются вообще лишь фрагментарные данные. В таких условиях автор решил остановиться лишь на четырех «главных» родах, воспринимавшихся самими современниками как «четыре столпа» саксонского дворянства: семейства Шляйниц, Пфлуг, Шенберг и Бюнау. Они вполне подходили и по конфессиональным критериям: все четыре уже в первой половине XVI в. восприняли учение Лютера и позже принадлежали к лагерю старолютеранской ортодоксии и надежным сподвижникам курфюрстов в борьбе за чистоту догмы.

Автору, уже имевшему существенный опыт исследований подобных направлений прежде, пришлось тем не менее решать весьма сложную источниковедческую задачу: архивы поместной знати курфюршества Саксонии, ныне большей частью централизованные и депонированные в структурах Главного государственного архива Дрездена, содержат существенные лакуны, не позволяющие проследить анатомию выбора имени при крещении и кроме того остались недоступны для исследователя. И.А. Данилову приходилось прибегнуть к помощи косвенных источников, чей потенциал оказался весьма важным при написании диссертации. До нас дошел весьма внушительный блок сочинений современников указанной эпохи, воскрешавших прошлое многих из исследуемых семейств. Для автора он оказался ценен не столько фактической, сколько идейной стороной: генеалогический миф как отражение семейно-династического сознания и стратегии современников. Кроме того историки XIX-XX вв. подготовили обстоятельные генеалогии указанных четырех родов на весьма высоком научном уровне. Подробная роспись генеалогической принадлежности и каталога номинантов позволяют проследить за механизмом имянаречения и выделить приоритетные модели.

Важным дополнением стал корпус надгробных проповедей — источник исключительной значимости, востребованной наукой лишь в последние десятилетия. Тексты в ряде случаев фиксируют причину выбора имени и указывают на ближайшую родню покойного, что делает возможным аргументацию в пользу определенной модели имянаречения. Появление раздела о жизненном пути покойного с конца XVI в. облегчает в ряде случаев поиск источников выбора имени. Определенным подспорьем выступает и «мемориальный жанр в камне»: надгробная эпитафика, тексты и генеалогическая символика эпитафий, в большом числе дошедшая до нашего времени из средненемецкого ареала. Наконец, важной составляющей стали церемониальные акты немецких протестантских дворов, частично опубликованные эрудитами и придворными секретарями XVII в. из архивов гофмаршальской службы. Речь идет главным образом об описании церемонии крестин, фиксировавших каталог свидетелей и ранжировавших крестных, что указывало и на очевидные предпочтения при выборе имени. Так И.А. Данилов использовал описания, опубликованные в XVII в. Антонию Веком по дрезденскому двору. Помимо этого оказались доступны и неопубликованные источники из Главного государственного архива Штутгарта (церемониальные акты герцогов Вюртемберга за первую половину XVII в.). Особую ценность здесь представляет «фамильная тетрадь» герцога Эбергарда III, фиксировавшая состав свидетелей и крестных его многочисленного потомства. В ряде случаев на помощь приходит и собрание опубликованной семейной корреспонденции и фамильных дипломов на владения саксонского дворянства, изданные в начале прошлого века Р. Мансбергом.

В задачу работы не входила подробная реконструкция политических портретов тех или иных семейств, равно как и история отдельных номинантов. Тем не менее, по возможности автор использовал внушительный объем старой и новой литературы, дабы вкратце осветить её историческое значение и спустив необходимую информацию в сноски. Тем самым показана и надлежащая эрудиция автора как историка.

Метод обработки материала неизбежно требовал выборки широких временных границ. Представляется, что проблема имянаречения как нельзя лучше требует от историка учета фактора «большой длительности». Чтобы выяснить сдвиги реформационного века требовалось бросить глубокий ретроспективный взгляд в позднее средневековье, равно как и говоря о последствиях — обратиться к XVII столетию. Очевидно, только с учетом масштабного генерационного среза возможно было выявить определенные тенденции. При этом обращаясь собственно к центральной эпохе, автор выделял условно три поколения

номинантов второй половины XVI - первой половины XVII в. Подобный подход представляется вполне обоснованным

Структура работы выступает логичной и цельной, вытекающей из постановки проблемы и методов ее решения. Необходимость большого вводного блока вполне очевидна в виду смежности проблем «ономастики» как вспомогательной дисциплины, что требовало и краткого экскурса в развитии самой дисциплины и определения ее общегуманитарной и историко-философской значимости.

В основе построения материала лежит принцип теоретической рецепции: каково было мнение реформаторов прежде всего самого Лютера о выборе имени и как конфессиональный подход воспринимался конкретной социальной почвой, имея в виду дворянство указанных регионов? Автор справедливо подчеркивает важность теоретического дискурса Лютера для историков последующих поколений, для которых последний играл роль руководящей мысли. Но становилась очевидной и проблемность успешной рецепции лютерова «библицизма»: региональный материал как показывает проведенное исследование, шел зачастую в разрез с воззрениями реформатора.

Центральными и наиболее удачными главами диссертации представляются разделы, посвященные рыцарским вассалам курфюршества Саксонии и вюртембергских герцогов. Убедительна статистика по отдельным семьям. Кроме того, кажется удобной и сама экспозиция материала: таблицы сопровождают текст, они не собраны в одном месте и последовательно показывают авторскую мысль.

Как показывает проведенное исследование, рыцарские ленники курфюрстов Саксонии хранили верность в целом позднесредневековой традиции поименования в честь родственников или родственников- крестных, к сегменту которого еще в век Реформации добавлялся староцерковный «пережиток» имен «из святцев» и из правящей династии. Последнее обстоятельство указывало на прямую причастность Веттинов к семейной повседневности своих подданных. В последующих поколениях дуалистичная модель имянаречения по родне и членам правящей семьи лишь обретает относительно ясные контуры. Подобная тенденция в целом согласуется с практикой самого дома Веттинов, где поименования в честь родственников или крестных устойчиво доминирует, хотя и содержит вкрапления отчасти староцерковной и ренессансной традиции.

В целом схожие процессы наблюдаются, как показывает диссертант, и на сравнительных моделях бранденбургских Гогенцоллернов и герцогов Вюртемберга. Очевидно, что среди всех прочих факторов значительную роль здесь играла и династическая легитимация своих позиций как конфессоров и лидеров, выступавших оплотом евангелических сословий. На примере семьи

